

власть должна содействовать церкви в ее борьбе с еретиками. Августин был наиболее ранним предшественником инквизиции средневековья. Он требовал принудительного возвращения еретиков в лоно церкви. Одновременно Августин подчеркивал неотвратимость адских мук для упорствующих в своих заблуждениях.

О борьбе Августина с ересями приведу два суждения.

«Столько в те дни было ересей в Церкви, как еще никогда. Стая лютых волков окружает овечий двор Господен: манихеяне, донатисты, пелагиане, ариане, присциллиане и множество других. А пастух, тогда почти единственный, в Африке — он, Августин.

Восемьдесят восемь ересей — ран, зияющих на теле Христовом — Церкви, а врач, почти единственный, — он же, Августин.

Ереси — внутри Церкви, а извне — язычество, все еще и в предсмертных судорогах хватяющее Церковь за горло, чтоб задушить. "Быть или не быть христианству?" На этот вопрос все еще не ответила История; вынудит ответ бесповоротный "быть" — только Августин.

Сорок лет простоит на сторожевой вышке Церкви, так пристально следя за бесчисленными врагами ее, что все глаза проглядит. "Страж Господен" — наверху, в созерцании, а внизу, в действии — боец.

...Первый великий "схизматик-раскольник"... Донат.

Циркумцеллионы (донатистский толк и боевая дружина) ходят шайками "Божьих разбойников" по большим дорогам Нумидии; целыми полками врываются, как бесноватые, в города и селения, с крутящимися над головами "святыми дубинами" и с боевым кличем: "Господу хвала! Бей, разбивай!" — бьют и разбивают все, что встречается им на пути, грабят и жгут православные церкви; мучают и убивают священников, „втирают им в глаза негашеную известь с уксусом".

Злейший враг их — Августин. "Кто убьет его — спасется", — обещают им донатистские пастыри.

Чем же он ответит на такую ненависть? ...Силой никого нельзя принуждать к вере... К Церкви надо приводить... словом и разумом".

...Только пройдя как бы сквозь строй циркумцеллионских дубин и уже почувствовав в глазах своих негашеную